
Светлана Салтанова. Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи. 1941 – 1961 годы. Москва. Дом-музей Марины Цветаевой. 2015, 343 с.

Марина Цветаева – ее поэзия и драматургия, автобиографическая, мемуарная, аналитическая и дневниковая проза, эпистолярный и сделанные ее рукой выписки из рабочих тетрадей – возвращалась к отечественному читателю очень долго. Точнее будет сказать, что путь ее возвращения, по большей части пройденный, не завершен и сегодня – открытый ныне (с 2000 года) фонд Цветаевой в РГАЛИ хранит еще немало непрочитанной и неосмысленной информации. Причем не только той, которая при подробном изучении рукописей поэта поможет понять внутренние механизмы творчества, уточнить момент возникновения и процесс реализации того или иного замысла, но и той, которая способна осветить сам путь возвращения, а по сути не возвращения даже, а почти с нуля начинавшегося когда-то открытия великого события русской литературы XX века, имя которому Марина Цветаева.

Сведения этого второго рода и поднимает Светлана Салтанова, чтобы, присоединив их к уже опубликованным, но в ее книге впервые, пожалуй, сведенным вместе и сложенным в единую картину, рассказать о том, как происходило возвращение поэта, с какими препятствиями сталкивалось, чьими руками осуществлялось, каким терпением, какими усилиями, чуть ли не ухищрениями сопровождалось. И еще – поставить вопрос: когда же оно началось? Что считать его истоком? Поставить вопрос – и ответить на него, причем, ответить убедительно и увлекательно.

Как известно, первая посмертная книга Цветаевой в отечестве увидела свет в 1961 году. С него привычно и ведется отсчет. Что как будто логично и понятно, ибо все основные журнальные публикации, а также книжные издания – со временем все более многочисленные и многотиражные – последовали вслед за ней. Но С. Салтанова обычай этот нарушает и книгу свою 1961 годом не открывает, а завершает. Слегка, впрочем, нарушив демаркационную его линию и заглянув в январь 1962-го, когда Постановлением Секретариата Союза писателей СССР была создана комиссия по литературному наследию Марины Цветаевой. То есть доходит в своем повествовании до издания «Избранного» и создания Комиссии, призванной заботиться о дальнейшем возвращении.

Все, что было потом и длится вот уже пятьдесят пять лет, в нарушение традиции или, во всяком случае, хронологии помещает в самое нача-

ло книги – в своеобразное предисловие, где в перечислительном порядке выстраиваются легендарные издания Цветаевой, «случившиеся» на волне «оттепели»: помимо сборника 1961 года, том стихов, поэм и драматических произведений, вышедший в большой серии «Библиотеки поэта» в 1965-м, «Мой Пушкин» (1967), книга переводов «Просто сердцу» (1967). Здесь же будут упомянуты журнальные публикации 1960-х годов, каждая из которых в те времена была – без преувеличения – на вес золота. Ибо, не считаясь с глухим сопротивлением надзирающего главлитовского ока, возвращала страницы цветаевской прозы, ничуть не уступающей ее поэзии. Среди периодических изданий, включившихся в этот процесс, кроме центральных, были и периферийные, а среди последних названа и «Литературная Армения», которая дважды (1966, 1968) открывала свои двери Цветаевой, дважды знакомила своего читателя с ее воспоминаниями о поэтах-современниках: об Осипе Мандельштаме и о Максимилиане Волошине.

Там же, в Предисловии-преамбуле, сказано о последовавшем в 1970-е периоде молчания, которое в 1980-е годы сменится новой волной «возвращения» (вышло около 70 книг общим тиражом 8,3 миллионов), чтобы в 1990-е и 2000-е принять уже всеохватный характер: издаются письма Цветаевой, первое в России собрание сочинений в семи томах, потом приходит черед обнародования архивных материалов, среди которых «Сводные тетради», «Записные книжки» (2 тома), переписка с Б. Пастернаком, К. Родзевичем, Н. Гронским и многое другое. Появляются фундаментальные жизнеописания поэта (впервые в России – А. Саакянц¹, В. Швейцер, И. Кудрова), воспоминания о Цветаевой. Хотя, впрочем, мемуарная линия возвращения начала пусть и пунктирно вычерчиваться гораздо раньше – еще в 1960 годы: фрагменты мемуаров Анастасии Цветаевой увидели свет в 1966-м («Новый мир», № 1, 2), мемуарный очерк Ариадны Эфрон «Самофракийская победа» в 1967-м («Литературная Армения», № 8).

Ариадна Эфрон – дочь Цветаевой, единственный член семьи, переживший войну и последнее десятилетие сталинизма – главная героиня книги С. Салтановой. Ибо в первую очередь ее усилиями началось возвращение. Но прежде чем приступить к документальному повествованию о нем, Салтанова все в том же небольшом по объему (неполных 20 страниц), но очень емком Предисловии скажет, из *какого* забвения предстояло извлекать Цветаеву: три дореволюционные ее книги, мизерным тиражом изданные, даже если и попали в свое время в библиотеки, еще в 1920-х были бы оттуда выкинуты, ибо «библиотеки страны массово очищались от книг

¹ Ее вторая книга, охватывающая весь путь поэта (первая – «Страницы жизни и творчества (1910 - 1922)» – 1986), «Марина Цветаева. Жизнь и творчество» выпущена дополнительным, восьмым, томом к собранию сочинений Цветаевой в 1997 году. У С. Салтановой неточно назван 1999-й. (Еще одна неточность замечена нами на с. 56. Она касается встречи М. Цветаевой с сестрой Анастасией в пореволюционной Москве).

со старой орфографией» (с. 8); послереволюционные «Версты» были по приказу Главлита изъяты из продажи в 1931-м, их дальнейшая участь либо уничтожение, либо заточение в закрытых фондах – спецхранах; книги Цветаевой, напечатанные в Берлине, Праге и Париже, равно как и западные периодические издания с ее публикациями, в Россию, конечно же, попадали, но «складировались в спецхранах по определению», ибо «распространять “белоэмигрантов” возбранялось» (с. 8).

И последнее, что предпосылает Салтанова основному корпусу своей книги, это формулировка поставленной цели: дать «связку личных судеб с судьбой страны, определившую начальный и самый драматичный период возвращения творческого наследия Марины Цветаевой в Россию – от забвения после 1941 года до выхода сборника “Избранное” в 1961-м» (с. 24).

Из чего этот период складывался? Какими были первые шаги к возвращению?

Собственно, первый шаг был направлен к *сохранению* рукописей Цветаевой. Его А. Эфрон предпримет сразу после того, как ей спустя год после самоубийства матери сообщат о ее смерти. Предпримет, находясь в исправительно-трудовом лагере, куда и пришло летом 1942-го письмо Елизаветы Эфрон со скорбной вестью (его текст и факсимиле приводится в книге со ссылкой на РГАЛИ, то есть публикуется впервые²). В первом же ответном письме, как и в последующих, А. Эфрон будет настойчиво спрашивать о судьбе бумаг, книг, фотографий – всего литературного наследия Цветаевой. В августе подаст прошение о пересмотре своего дела, получит отказ и начнет из мест не столь отдаленных организовывать сохранение материнского архива. Одна его часть находилась у Е.Эфрон (сестра мужа Цветаевой) и беспокойства не вызывала, другую Цветаева незадолго до своей эвакуации отдала на хранение поэту Борису Садовскому. Подвальная комната в одном из строений Новодевичьего монастыря, где жил разбитый параличом Садовской, в первые, самые страшные для Москвы годы войны была своеобразным сейфом, надежным укрытием от бомбежек. В этом отношении Цветаевскому архиву ничего не угрожало. Но оставлять рукописи в чужих руках (которые, заметим кстати, все невоспроизводимое сохранили) все же не хотелось. После настойчивой переписки, приведенной в книге в основном по материалам РГАЛИ, эту часть архива 11 марта 1943 года Самуил Гуревич (А.Эфрон считала его своим мужем) перевез к Е. Эфрон – в коммунальную ее квартиру. Теперь все на тот момент доступное было собрано в одном месте, а заботиться о пополнении архива было, по обстоятельствам времени, невозможно.

Следующий шаг будет сделан спустя семь лет. За этот период закон-

² Далее ссылки на этот источник будут помечаться в тексте в скобках.

чился лагерный срок А. Эфрон, два года она провела на свободе, но без права проживания в столицах, а потом, в феврале 1949-го, на волне повторных арестов была пожизненно сослана в Красноярский край. И вот в ссылке у нее возникает идея подготовить и издать хотя бы маленький «сборничек» стихов матери, приуроченный к 10-летию смерти. Она просит Б. Пастернака разыскать и прислать ей циклы стихов к Пушкину, к Маяковскому и к Чехии. И обращается с письмом к Сталину, считая, что «только он может решить этот вопрос», и зная «насколько он внимателен в таких вопросах» (с. 59). Письмо это либо не сохранилось, либо томится в засекреченном и по сей день фонде. Так или иначе, но поиски Салтановой в Гос. архиве социально-политической истории не дали результатов. Но о том, что письмо было отправлено, свидетельствуют слова А. Эфрон, адресованные Е. Эфрон: «Ответа от И.В. еще не имею, как только и если получу, непременно сообщу» (с. 69).

Ответа не последовало. И последовать, разумеется, не могло. Салтанова, впрочем, это «разумеется» в согласии со своей установкой «дать связку личных судеб с судьбой страны» расшифровывает: посвящает несколько страниц исторической справке о репрессиях конца сороковых – начала пятидесятых: о возвращении смертной казни, о новых процессах и гонениях, в том числе на литераторов и их уже изданные книги.

Летом 1950 года А. Эфрон получила между тем другое письмо – последнее письмо от С. Гуревича. Он, извиняясь за «проповеднический тон», объяснял его ощущениями человека, «кому ежечасно грозит опасность и вовсе очутиться за бортом созидательной жизни» (с. 72 – со ссылкой на РГАЛИ). Предчувствия не обманули: через две недели после письма в ходе кадровых чисток, не обошедших стороной и ТАСС, сотрудником которого он был, последовал арест, а спустя полтора года и расстрел. Так 1951-й, год десятилетия ухода матери, ознаменовался для А. Эфрон не изданием книги, а еще одной невосполнимой потерей. Доподлинно узнает она об этом много позже, но замолчавшая переписка сама по себе была сигналом более чем красноречивым...

Структурно книга Салтановой делится на разделы, а внутри них на главы. Третий раздел («1953 – 1954. Лед тронулся»), единственный – без разбивки, целиком посвящен судьбам страны. Причины понятны: смерть Сталина, первые амнистии, начало реабилитационной, все более ширящейся волны. Словом, социальные метаморфозы, определившие судьбы миллионов людей, в числе которых была и дочь Цветаевой. Тема «оттепели» 1950-х – начала 1960-х годов неохватно велика и достаточно освещена. Салтанова в кратком, но целенаправленно емком очерке событий дает представление о том, какие сдвиги происходили в культурной сфере (книгоиздание, кинопроизводство, музыкальный театр, Союз писателей), как разнонаправленно действовали номенклатурно-охранительная логика

и, в противовес ей, рванувшаяся к высвобождению творческая стихия. Но так или иначе, со всеми издержками, процесс пошел.

В не столь отдаленной перспективе он сделал возможным следующий шаг к возвращению Цветаевой: в июне 1955 года А. Эфрон, дождавшись реабилитации и «чистого» паспорта, приехала в Москву. И уже в июле – августе начала хлопотать об издании книги стихов. На этом первом этапе ей помогают Э. Казакевич, И. Эренбург, литературный критик и библиофил А. Тарасенков. К концу года их общими усилиями книга составлена, сдана в Гослитиздат и включена в план издательства на 1957 год. Дальше – ожидание и неизвестность. Неизвестность, ибо ни зыбкости общей ситуации, ни цензурного контроля никто не отменял.

В эту паузу ожидания Салтанова, как некую вставную новеллу, вписывает пятый раздел – «Моральный долг зарубежья». В 1950-е годы на Западе, где прошли 17 лет эмиграции Цветаевой, в периодике и антологиях стали регулярно появляться публикации ее писем и стихов. В 1953 году вышла книга «Марина Цветаева. Проза», а в 1957-м – ранее не издававшийся «Лебединый стан». Он стал первой посмертной книгой стихов, «зарубежье вернулось к Цветаевой первым, имея главное преимущество – свободу говорить о личности, исходя из личности» (131). «Говорили» о Цветаевой, собирали материалы, готовили публикации и издания, писали статьи и предисловия люди, как правило, знавшие ее, по прошествии лет по-иному, быть может, увидевшие и понявшие ее «почву и судьбу».

Первая ласточка – книга «Лебединый стан» – не порадовала, а встретила А. Эфрон. То были стихи о Добровольчестве, и она не без оснований полагала, что их издание на Западе станет угрозой для московского сборника. Попыталась даже опубликовать в советской прессе протест против не согласованного с наследниками выпуска книги. На страницы печати протест этот не попал, а ход событий показал, что «беда» пришла с другой стороны. В сентябре 1956-го поступил в продажу сборник «День поэзии» со статьей о Цветаевой (А. Тарасенкова) и 11 стихотворениями, вслед ему, в декабре, увидел свет альманах «Литературная Москва», где Цветаева представлена семью стихотворениями и статьей И. Эренбурга. Казалось бы, можно возрадоваться: десятилетиями длившееся молчание прорвано, а на подступах еще и книга, на издание которой к этому времени подписан с А. Эфрон договор. Она и радовалась, хоть и не без осторожности и оговорок: сохранились ее дневниковые записи (РГАЛИ), которые процитированы Салтановой. Однако в начале 1957 года началась самая настоящая травля: журнал «Крокодил» поместил статью И. Рябова «Про смертяшкиных», «поносящую», как писал Эренбург, «память Цветаевой и упрекающую меня за предисловие» (с.187). На альманах обрушились, помимо «Крокодила», «Литературная газета», «Вопросы литературы», «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Правда».

В результате всего этого книга из плана Гослитиздата на 1957-ой была исключена, не попала она и в план следующего года. И это несмотря на то, что сборник был уже сверстан и, отправленный на дополнительное внутреннее рецензирование, получил три в целом положительных отзыва (Вл. Огнев, Н. Степанов, В. Перцов).

Шло время, но и к началу 1960-го никаких подвижек не наметилось. В марте А. Эфрон писала Эренбургу: «На днях буду в Москве, пойду узнавать, в план какого столетия включена – если включена – книга» (с. 221). Однако когда надежда почти иссякла, книга Цветаевой попала в план 1961 года. В урезанном объеме и тираже – но все же попала. Эта метаморфоза была связана с двумя влиятельными именами: А. Твардовского и В. Орлова. Спустя год В. Орлов – известный литературовед, гл. редактор серии «Библиотека поэта» – писал о своем участии А. Эфрон. Он и стал, в конце концов, составителем «Избранного» и автором предисловия. А еще на том же этапе в качестве соредатора к подготовке книги подключилась Анна Саакянц – молодой сотрудник издательства, на последующее десятилетие ставшая верным соратником А. Эфрон. Ей А. Эфрон вскоре после знакомства писала: «У Вас абсолютный на нее (Цветаеву. – Т.Г.) слух, т.е. та одаренность именно к ней, без которой невозможна абсолютная к ней любовь» (с. 249).

Главными источниками, по которым восстанавливает Салтанова этот последний в ее повествовании этап возвращения, названы: переписка В. Орлова и А. Эфрон (РГАЛИ), письма В. Орлова к А. Саакянц (РГАЛИ), книга воспоминаний А. Саакянц «Спасибо Вам!» (М., 1998), второй том трехтомника «Ариадна Эфрон. История жизни, история души» (М., 2008, сост. Р. Б. Вальбе), наконец – воспоминания соредатора «Избранного» А. Козловского, записанные самой Салтановой.

Как видно из самого перечисления источников, многое вводится в оборот впервые. Вводится и дает возможность вживе увидеть, из чего складывались последние месяцы подготовки книги: как выверялся ее состав, по чьей инициативе из нее были исключены поэма «Мо'лодец» и пьеса «Феникс», но неприкосновенными остались вершинные поэмы «Горы» и «Конца», в какой помощи нуждался В. Орлов при составлении сборника и написании предисловия, в какие сжатые сроки шел многострадальный сборник к финишной прямой встречи с читателем, как по ходу его создания замаячил пока еще только призрак второй Цветаевской книги в отечестве – тома в большой серии «Библиотеки поэта».

О нем – в первом же письме В. Орлова к А. Эфрон: «Когда я окончательно выработаю состав книги, я сообщу его Вам – посоветуемся еще раз. Вообще буду просить у Вас помощи, особенно когда речь пойдет о большом томе, в котором Вы должны будете принять непосредственное уча-

стие (для «Биб-ки поэта» нужны будут все сохранившиеся рукописные материалы, варианты и проч.)» (с. 240, со ссылкой на РГАЛИ). Но до этого, пополняя архив, сверяясь в спецхране с западными публикациями (чем на протяжении лет занималась А.Саакянц), надо было еще дожить.

А пока – в год двадцатилетия смерти Цветаевой – главной задачей было выпустить первую книгу. Излишне говорить, как хотелось А. Эфрон увидеть ее в августе, в последний день которого ушла из жизни ее мать. Но эта мечта не сбылась. Из-за перегруженности типографии, готовящей материалы к XXII съезду КПСС, «Избранное» появилось в конце сентября. Снова, и не в последний раз, переплелись личные судьбы с судьбой страны. В той же связке оказался и курьезный, на наш сегодняшний взгляд, факт: сборник Цветаевой продавался в книжном киоске, работавшем в дни съезда в Кремле.

Но вернемся к личным судьбам. Имя А. Эфрон чудом попало на одну из молозаметных страниц выстраданной ею книги. Но все же попало. А 10 октября она писала В. Орлову: «Вокруг книги в Москве творится *невообразимое*. Получаю много писем от доставших, а еще больше от не доставших книжечку. На “черном рынке” цена уже десятикратная <...> О Вашей статье со всех сторон доходят *очень* хорошие отзывы» (с. 278, со ссылкой на РГАЛИ).

Так наконец случилось Возвращение. И благодаря С. Салтановой мы имеем сегодня возможность пройти его тернистыми путями, о которых рассказано с исследовательской тщательностью, счастливым образом сочетающейся, однако, с живой стилистикой, с богатством и раскованностью языка и мышления.

ТАТЬЯНА ГЕВОРКЯН
(Москва)